
В. В. ДЕНИСОВ

ФИЛОСОФИЯ НАСИЛИЯ

«На вопрос, в какое время мы живем, можно дать однозначный ответ – в эпоху сверхнасилия. Оно витает повсюду в современном мире, проникает во все поры общества: в политику, экономику, науку, культуру»¹. В этом апокалипсически звучащем высказывании американского философа Л. Тайгера нашла отражение сложившаяся в настоящее время обстановка всеобщей конфликтности и беспрецедентного скачка всех видов насилия, проявлений агрессивности и терроризма.

История, конечно, всегда влачила свою «триумфальную колесницу» через горы трупов и моря крови. Но драматизм нынешнего периода заключается в том, что теперь человечество живет в условиях ядерного противостояния, когда увеличивается число государств, обладающих оружием небывалой разрушительной силы. Впервые поставлена под вопрос бессмертность человеческого рода. Гамлетовский вопрос – быть или не быть? – встает теперь уже не в философском, а в жизненном, практическом смысле.

Наличие очень разных в содержательном аспекте типов насилия, его функций и целей делает сложным нахождение его обобщенной характеристики, выработку единого общепризнанного понятия. Но можно согласиться с тем, что «насилие является проявлением самой структуры Бытия»². Оно представляет специфическую форму отношений, осуществление которых связано с «применением силы», «нанесением физического, духовного и имущественного вреда», «нарушением чьих-либо интересов и прав», «подавлением свободы воли». Насилие или угроза его применения принуждает людей к поведению, не соответствующему их желанию, препятствует «соматической и духовной реализации человеческих потенциалов». Такие определения даются многими исследователями этого феномена.

¹ Tiger, L. The manufacture of Evil. – N. Y., 1997. – P. 125.

² Le dictionnaire philosophique. – Vol. 23. – Paris, 1990. – P. 673.

В социальном насилии как одном из видов межчеловеческих коммуникаций находит экстремальное выражение столкновение и противоборство интересов и целей субъектов общественных отношений – государств, классов, этносов. К наиболее распространенным проявлениям насилия относятся войны, вооруженные революции, политические репрессии, терроризм, геноцид.

Насилие выступает в роли «повивальной бабки», к услугам которой прибегают для разрешения классовых и этнических антагонизмов, революционной смены отживших и установления новых политических режимов и экономических укладов. Становление новых способов производства происходило под воздействием не только объективных экономических законов, но также требовалось задействование принудительных мер. К. Маркс отмечал, что процесс капиталистического накопления не мог обойтись без насильственной экспроприации, «превращение земледельческих феодальных обществ в промышленные... достигается не только так называемым естественным путем, а при помощи принудительных средств»³³.

В силу своей роли и значимости насилие всегда находилось в центре общественной мысли и практики человечества. Оно осуждалось и проклиналось, им пугали и угрожали, его объявляли абсолютным злом и «происком Сатаны», провозглашали движущим фактором общественного прогресса, прославляли и возводили в культ. Трудно, наверное, найти другую специальную категорию, вокруг которой наслонилось бы столько противоречивых суждений, в оценке которой наблюдалось бы столь непримиримое различие мнений.

О непреходящей значимости проблемы социального насилия свидетельствует тот факт, что ни один крупный мыслитель прошлых веков и современности не обошел ее своим вниманием. Начиная с античной философии и до наших дней представители разных идеологических направлений и философских традиций занимаются исследованием природы и корней насилия, его роли в истории. Неослабевающий интерес к этой проблеме объясняется тем, что она имеет не только академический, но и политический характер, актуальную практическую значимость. Проявления насилия тесно связаны с классовыми и национальными отношениями, международной политикой, непосредственным образом затрагивают интересы всех социумов, влияют на судьбы всего человечества. Отсюда про-

³³ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 25. – Ч. II. – С. 342.

истекает и резкое размежевание, и бескомпромиссность позиций в этом вопросе разных общественных групп и политических сил, отражающих их интересы и цели.

На каждом этапе цивилизационного развития проблема насилия обладает своими характерными особенностями и отличительными чертами. Изменение исторических условий влечет и изменение форм и методов насильственных действий, их соотношения, масштабности и последствий. Требуется и корректировка концептуальной трактовки этого явления, его оценки и восприятия в соответствии с трансформирующейся жизненной реальностью и наличным бытием.

К основным факторам, определяющим сейчас новые явления и тенденции в этом вопросе, можно отнести глобальные изменения, связанные с научно-технической революцией и геополитическими сдвигами; усиливающееся неравенство и противостояние между богатыми, динамично развивающимися государствами и отсталыми, все более нищающими странами, представляющими, к тому же, разные социокультурные сообщества; рост в связи с этим проявлений экстремизма и фундаментализма. Международная напряженность и конфликтность увеличились вследствие происшедшего превращения мира из двухполярного в многополярный, что привело к нарушению существовавшего равновесия сил, усилению имперских амбиций США и их стремлению к монопольному господству. Человечество от «холодной войны» перешло к не менее «холодному» миру.

Умножается число вооруженных конфликтов. По данным ООН, за последнее десятилетие было отмечено свыше 100 локальных войн в различных частях мира, в них было вовлечено 57 государств. Произошел новый виток гонки вооружений, их качественная модернизация с целью усиления разрушающей силы. Ядерным оружием обзавелись Индия и Пакистан, но оно, видимо, имеется и у ряда других государств, хотя и не принадлежащих официально к «ядерному клубу». Двух мировых войн в XX в., писал Эрих Ремарк, возможно, окажется недостаточно в качестве урока для человечества. «Мир снова погружен в пепельно-серый свет апокалипсиса. Еще не улегучился запах крови и не осела пыль от разрушений последней войны, а в лабораториях и заводах уже опять рабо-

тают на полных оборотах, дабы сохранить мир с помощью оружия, которым можно взорвать весь земной шар»⁴⁴.

Поскольку насилие представляет экстремальную форму деятельности, оно чаще всего воспринимается не только на уровне обыденного сознания, но и в ряде научных концепций как априори негативное явление, абсолютно несовместимое с общепринятыми нормами морали. Такой подход, оперирующий некими неизменными ценностями и отличающийся догматичной прямолинейностью, не позволяет рассматривать это явление в контексте исторической эволюции цивилизации, проводить дифференциацию качественно различных по содержательной сущности и целенаправленности насильственных действий. Высказывая критическое отношение к такого рода одномерному подходу, американский политолог Ч. Найбург пишет: «Общество состоит из конкурирующих социумов и групп людей, борющихся за получение или сохранение различных благ при помощи широкого арсенала средств. В этой борьбе применяются либо мирные, либо насильственные методы, и, соответственно, жизнь общества определяется двумя понятиями – миром или войной, насилием или ненасилием. Мирное состояние означает, что конкурентная борьба происходит в рамках легальности и закона. Наоборот, когда происходит нарушение существующего порядка и столкновение противоборствующих сил достигает крайней остроты, эта борьба выливается в насильственные акции»⁵⁵.

Сложившаяся аксиоматика взгляда на насилие как исключительно антисоциальное и внекультурное явление обусловлена смешением двух различных подходов – историко-теоретического и нравственного, оперирующего преимущественно моральными категориями. В последнем случае оказывается невозможным выявление каузально-детерминированной связи между насилием и другими проявлениями человеческой деятельности, определенными типами общественной организации, установление корреляции их эволюционной динамики. Игнорирование принципа историзма и классовости объективных законов общественного развития приводит к тому, что все насильственные проявления воспринимаются как однородные. Только при анализе насилия в социокультурном

⁴ Цит. по: Иностранная литература. – 2000. – № 10. – С. 249.

⁵ Nieburg, H. Violence. Behavioral Process. – N. Y., 1990. – P. 16.

аспекте появляется возможность рассматривать его в качестве трансисторической формы социальной жизни, всеобщего модуса существования человечества.

История представляет арену противостояния диалектически взаимосвязанных созидательных и разрушительных сил, на исторический процесс одновременно оказывают влияние конструктивные и деструктивные факторы. Вполне объяснимо различное отношение к актам насилия субъектов межчеловеческих отношений в зависимости от того, по какую сторону «социальной баррикады» они находятся. Но при этом нельзя не согласиться с высказанной Р. Ароном мыслью, что «история остается по меньшей мере историей людей по мере того, как она разворачивается до настоящего времени, когда она определяется по существу борьбой и насилием. И она будет определяться насилием до конца предыстории»⁶⁶, то есть до тех пор, пока не исчезнут антагонизмы между человеком и человеком, человеком и природой.

Научно установлено, что за 3400 лет записанной истории было всего 234 года, когда люди не вели войн. Это может свидетельствовать о том, что войны есть не случайное явление. Они возникают отнюдь не по прихоти отдельных правителей или из-за честолюбивых амбиций генералов. Хотя, конечно, нельзя сбрасывать со счета случаи, когда человеческие страсти брали верх над разумом. Иначе история имела бы слишком фаталистический вид. К. Клаузевиц считал неразумным из-за отвращения к «суровости стихии войны» упускать из вида ее природные свойства и объективные корни. «Война относится к области общественной жизни, – писал он. – Война есть столкновение значительных интересов, которые разрешаются кровопролитием, и только этим она отличается от других конфликтов»⁷⁷.

Определяющим критерием для установления истинной значимости и роли конкретного насильственного действия выступает не моральный, а сущностный фактор, его целевое назначение. Все зависит здесь от того, является ли применяемое насилие орудием тирании или демократии, инструментом исполнения закона и его защиты или же его нарушения. Насилие может играть позитивную роль и быть объективной необходимостью, когда его применение способствует поступательному движению общества, направлено

⁶⁶ Арон, Р. История и диалектика насилия. – М., 1993. – С. 212.

⁷⁷ Клаузевиц, К. О войне. – М., 1936. – Т. 1. – С. 144.

против иноземных захватчиков, на свержение антинародных режимов. Т. Джефферсон считал, что бунт народа против неугодных правителей есть «хорошее дело и так же необходимо в политическом мире, как бури в мире природном. Восстания действительно выявляют нарушения прав человека, которые их породили»⁸⁸.

Все великие революции в истории, сыгравшие роль «локомотивов» социального прогресса и положившие начало новому этапу цивилизации, вынуждены были применять насилие против сопротивляющихся консервативных сил. Парижская Коммуна в XIX в. и социалистическая революция в России в XX в. – эти два знаменательных события, повлиявших на умы многих поколений, явились не только разрушительными, но и созидательными факторами.

Насилие как способ самозащиты и спасения от агрессивных насильственных действий, как способ их предупреждения признается законным и оправданным. Национально-освободительные войны служили интересам не только отдельных наций, но и внесли вклад в дело защиты и распространения всечеловеческих прав и свобод, под их натиском рухнула колониальная система. Благодаря разгрому нацистской Германии во Второй мировой войне человечество было спасено от фашистского рабства.

Наиболее концентрированным и масштабным проявлением социального насилия являются войны. То, что создается многими годами человеческого труда и творческого разума, во время войн уничтожается вместе с творцами материальных и духовных богатств, превращается в руины. Плата за развязанные войны возрастала прямо пропорционально уровню развития научно-технического прогресса, внедрения его открытий в военную область. Войны становятся все более кровопролитными и разрушительными. Жертвами Первой мировой войны стали почти 10 млн человек, стоимость материальных потерь исчислялась в 338 млрд долларов. Во Второй мировой войне погибли свыше 54 млн человек, материальные потери достигли 4 трлн долларов⁹⁹.

Развивалась не только «индустрия смерти», но и военная теория, стратегия и тактика вооруженной борьбы трансформировались адекватно появлявшимся новым боевым средствам. Последним «достижением» военной мысли является разработанная и уже при-

⁸⁸ Джефферсон, Т. Письмо к Д. Медисону // Антология мировой философии. – М., 1970. – Т. 2. – С. 701.

⁹⁹ История Второй мировой войны. – М., 1982. – Т. 12. – С. 146.

меняющаяся на практике «безрисковая война». Доктрина «безрисковой войны», на которую делает ставку американский генералитет, есть продукт технологических инноваций, поскольку основывается на возможности избежать риска значительных потерь для имеющей абсолютное военно-техническое превосходство страны в развязанном ею вооруженном конфликте. Именно руководствуясь такой предпосылкой, администрация США принимала решение о вторжении в Ирак, убеждая общественность в практической безнаказанности этой агрессивной акции для самих США и их союзников по НАТО. Аналогичные суждения распространялись и при совершении военной агрессии в Югославии. Заявлялось что новейшие средства вооружения позволяют наносить «точечные удары» исключительно по военным объектам, и их применение якобы не угрожает гражданскому населению.

Однако все подобного рода заявления оказались мифом, были опровергнуты реалиями военной действительности. «Чистых» войн не бывает, они всегда несут смерть и страдания всем участникам, ведут к материальному разрушению и нравственному разложению. Саму концепцию войн «малой кровью» следует признать столь же антигуманной, как и любую другую форму апологетики милитаризма. Но она еще отличается и циничным эгоизмом в трактовке проблемы безопасности, поскольку ее пропагандисты представляют интересы той воюющей стороны, которая лучше оснащена новейшими видами вооружения и для которой риск массовой гибели военнослужащих в силу этого значительно меньше. Что же касается гибели людей с другой стороны, в том числе и мирного населения, то их судьба, видимо, в расчет вообще не принимается.

В настоящее время в мире существует только одна сверхдержава – США, конкурировать с которой по военной мощи не способно ни одно государство. Но в условиях ядерного противостояния, когда Россия и некоторые другие государства обладают оружием массового поражения, американское превосходство в силе превращается в иллюзию. В случае возникновения военного конфликта с применением ракетно-ядерного оружия США подвергаются опасности уничтожения в такой же степени, как и их противники. Цена риска становится равнозначной для всех, и поэтому политика «имперской самонадеянности» ничем не оправдана.

Бичом современного человечества стал переживающий свой ренессанс политический терроризм. Возродившийся в невиданных

ранее масштабах и формах, он превратился во всепланетное явление, наполнился новым социальным и национальным смыслом. Его отличие от терроризма столетней давности, использованного в основном российскими революционерами, заключается прежде всего в его международном характере, в глобальном охвате всех без исключения регионов планеты. Его объектами становятся уже не только и не столько отдельные индивиды, но значительные массы людей, общественные и правительственные учреждения, транспортные и энергетические системы. «Новым для сегодняшнего терроризма, – пишет американский философ О. Демарис, – является то, что террористы отбросили понятие невинных людей, они провозгласили право убивать всех, стремятся терроризировать целые народы»¹⁰. Получил распространение и такой неизвестный для «классического» терроризма метод, как захват заложников с политическими целями.

Терроризм, как и любое общественное явление, имеет свои истоки, мотивируется политическими, идеологическими, экономическими, этническими и религиозными факторами. Он представляет искаженную по сущности и направленности рефлексии на состояние угнетенности и бедности, в котором находится значительная часть населения некоторых регионов планеты, определенные слои общества. Это их мстительный ответ на допущение неравенства и несправедливости в распределении материальных благ между классами и нациями, на нежелание богатых делиться с бедными. «Терроризм не рождается из небытия. Он имеет причины, которые редко его оправдывают, но всегда объясняют»¹¹, – считает французский политолог К. Жюльен, указывая на то, что террористическое насилие как вспышка массового недовольства освещает дефекты общества. Тем самым одно зло пытаются исправить другим злом. Признавая, что терроризм отражает яростное сопротивление восточной цивилизации натиску вооруженной разрушительными научно-техническими достижениями западной цивилизации, что он направлен против порочной политики глобализации, проводимой в узкоэгоистических национальных и корпоративных интересах, английский философ Ч. Фримен подчеркивает, что «праведные цели тотального террора» приводят к лишению жизни граждан, не

¹⁰ Demaris, O. *Brothers in Blood*. – N. Y., 1977. – P. 382.

¹¹ *Le Monde diplomatique*. – 1978. – № 284. – P. 11.

имеющих отношения к принятию государственных решений и не несущих за них ответственности¹²¹².

Конкретные цели, преследуемые при совершении террористических актов, могут существенно различаться. Поводом для них могут стать самые неожиданные и труднопредсказуемые события. По всему миру прокатилась волна протестных выступлений, сопровождавшихся насильственными действиями, в связи с публикацией в западной печати карикатуры на пророка Мухаммеда. Этот факт свидетельствует о том, что даже такое, казалось бы, малозначительное с точки зрения европейского менталитета явление способно вызвать столь массовую и острую реакцию мусульман, стать детонатором не только «холодной», но и «горячей» войны цивилизаций.

Терроризм носит исторический и транснациональный характер, отличается специфическими проявлениями в разные эпохи и в разных регионах. Отсюда вытекает сложность научного познания и определения террористической деятельности, подчас не укладывающейся в общепринятую шкалу ценностей и норм, имеющей неоднозначный характер, нередко оценивающейся по двойным стандартам. Поэтому, очевидно, до сих пор наблюдается и весьма расширительная и терминологически нечеткая трактовка самого понятия «терроризм», смешение разных форм его проявления.

Особо следует отметить опасность приобретшей в настоящее время значительное распространение такой формы терроризма, как государственный терроризм. Он находит свое выражение в действиях, направленных на нанесение материального и морального ущерба государствам, неправомерном вмешательстве в их внутренние дела посредством использования для этого оппозиционных элементов, выступающих против законной власти, достижении иными нелегальными способами превосходства над другими субъектами международных отношений. Государственный терроризм, зачастую прикрывающийся лозунгами борьбы за демократию и соблюдение гражданских прав, стал основным методом агрессивных внешнеполитических акций США. К ним можно отнести и прямые военные действия США в Югославии и Ираке, и попытки оказания в разной форме давления на Россию и другие государства СНГ.

Нельзя признать состоятельным существующее объяснение терроризма исключительно патологическими изъянами психики

¹² Freeman, Ch. Terrorism. – N. Y., 1981. – P. 40.

отдельных индивидов, наличием агрессивных по своей природе людей, в биологическом коде которых заложен «ген агрессии», которыми овладевает «рефлекс неповиновения». Террористами не рождаются, ими становятся в конкретных социальных условиях, влияющих на сознание и поведение индивидов, вставших на путь незаконных и аморальных действий, подкрепляемых ложными теоретическими аргументами и политическими лозунгами. Среди террористов, конечно, немало психически неуравновешенных и душевнобольных людей, количество которых сегодня возрастает, что обусловлено ростом стрессовых ситуаций и экстремальных явлений, приводящих к повышенной психологической нагрузке на человека. Можно согласиться с мнением, что политический терроризм есть побочный продукт индустриальной революции, беспорядка, порожденного разрушением старых моделей жизни. Происшедшая в переходный период ломка социальных структур и переоценка ценностей выбили из привычной жизни и привели к деклассированию значительные общественные слои, породили чувство униженности и безысходности, чрезвычайные проявления экстремизма. Но делать на этом основании какие-либо обобщающие выводы в отношении психического состояния всех террористов представляется неоправданным.

Социологические исследования показывают, что социальный состав террористических организаций крайне разнороден. «Деклассированность и рождающееся на ее основе чувство обездоленности, болезненная реакция на несправедливость, ненависть к окружающей действительности, жажда мщения и самоутверждения, примитивность представлений о свободе и равенстве легко приводят к идее тотального отрицания, стимулируют стремления к разрушительным действиям. Эти стремления могут реализоваться и в массовых бесчинствах, и в действиях уголовного характера. Но они способны и декорироваться пафосом антикапиталистической борьбы и даже борьбы за социалистические идеалы»¹³.

Таким образом, уникальность феномена терроризма заключается именно в том, что в нем тесно переплетаются романтический индивидуализм и политической авантюризм, устремленность к высшим идеалам и аморальная фанатическая жестокость, вера в собственную избранность и беспринципность, извращенная жерт-

¹³ Витюк, В. Под чужими знаменами. – М., 1985. – С. 75.

венность и патологическая ущербность, смешение реального и желаемого.

Историческая практика достаточно убедительно выявила неэффективность и пагубность террористических действий как средства революционной и национально-освободительной борьбы. К. Маркс, относя терроризм к проявлениям политического волонтаризма и авантюризма, характеризовал его как «всемирно-историческое заблуждение», которому подвержены некоторые борцы за «благо человечества». Никакие ссылки на некие благие цели, ради которых совершаются террористические акты, не могут служить их оправданием. Они неизбежно связаны с нарушением норм законности и морали, создают угрозу свободе и безопасности людей, их основному праву – праву на жизнь, несовместимы с принципами гуманизма. «Цель, для которой требуются неправомерные средства, не есть правая цель...»¹⁴. Нельзя забывать и то, что насилие порождает насилие, оно всегда вызывает цепную реакцию, неизбежно ведет к ответному насилию.

Терроризм есть, безусловно, социальное явление, обусловленное объективными условиями общественного бытия. Отказ признавать эту истину и игнорировать существование реальных факторов, питающих терроризм, мешает последовательной борьбе с ним. Но, с другой стороны, не следует разделять вульгарно-репродукционистские представления о принципиальной неустранимости этого зла, его абсолютной неизбежности. Нельзя не согласиться с мнением ряда ученых о возможности преодоления этого нежелательного явления, но лишь если не поддерживать убеждение в том, что агрессивность является неустранимым биологическим инстинктом.

Россия переживает сейчас очередную смену исторических вех. Процесс реформации происходит в сложных условиях постсоветской действительности, сопровождается столкновением рождающегося нового и не спешащего уходить старого образов жизни, противоборством различных общественных сил. На Россию обрушился «тайфун» всевозможных кризисов, преступности, межэтнических конфликтов. Не случайно Россия рассматривается международными экспертами как «зона повышенного риска». В атмосфере повышенной нестабильности и конфликтности появляется склонность к проведению силовой политики, стремление прибег-

¹⁴ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 1. – С. 65.

нуть к диктаторским методам для наведения порядка и быстрейшего выхода из кризисного состояния, возникает ностальгия по «сильной руке», поднимают голову «политические ястребы».

Для России проблема насилия являлась одной из наиболее первостепенных и жизненно важных во все исторические эпохи. О «русском насилии» в мировом общественном сознании сложилось много искусственно создаваемых стереотипов негативного свойства. Россию принято изображать в качестве основной агрессивной силы на международной арене, приписывать ей традицию экспансионистского развития с целью завоевать весь мир. И в настоящее время утверждается, что независимо от каких-либо демократических преобразований российский социум продолжает представлять «тотальное насилие» над личностью, угрозу всеобщей свободе и демократии. За всеми этими инсинуациями скрываются далеко идущие цели врагов России. Русский историк К. С. Аксаков еще в XIX в. писал, что если где-то развязывается кампания по обвинению России в захватнической политике, то это наверняка означает, что одно из западных государств готовится совершить где-то очередную агрессию¹⁵. Правильность этого суждения подтверждается сегодняшней действительностью. Перед вторжением США в Югославию и Ирак, как по команде, на Западе развернулась анти-русская пропагандистская кампания.

Феномен «русского насилия», обладая универсальными чертами и общими свойствами содержательной сущности, присущими насилию как общественно-политической категории, имеет вместе с тем свои характерные особенности и отличия. Они обусловлены конкретными историческими и геополитическими реалиями, господствующими общественно-экономическими отношениями, спецификой российской ментальности. Некоторые ученые пытаются объяснить традиционную силовую политику и деспотический характер власти в России разного рода патологическими отклонениями в психике отдельных российских политиков, субъективными свойствами ее правителей. Возможно, в отдельных случаях это действительно имело место, но определяющую роль здесь все же играли объективные факторы. Прежде всего такие, как потребность «собрания земли русской», ликвидация ее раздробленности, объединение многочисленных княжеств в единое целое. Жестокость обстоятельств диктовала потребность в авторитарной и максималь-

¹⁵ Аксаков, К. С. ПСС. – М., 1889. – Т. 1. – С. 268.

но централизованной государственной системе властвования, необходимость приоритета общественных интересов над частными, региональными и индивидуальными.

Расположенной между Востоком и Западом в географическом и цивилизованном аспектах, России пришлось пережить больше военных катаклизмов, нежели другим странам, постоянно защищать свою территорию от иноземных агрессоров. За 538 лет, прошедших со времени Куликовской битвы до выхода России из Первой мировой войны, она находилась в состоянии войны 334 года, то есть две трети своей исторической жизни. Все крупномасштабные социальные модернизации осуществлялись в России «сверху», и, как правило, сопровождались применением массового насилия. Метод «реформаторского насилия» использовался для ускорения экономического и культурного развития при каждой попытке «прорубить окно» в западную цивилизацию.

Масштабность российской территории и многоликость населяющих ее народов, непокорность региональных вождей и их сепаратистская политика также во многом определяли авторитарные формы и методы управления. Принцип единства и неделимости России неукоснительно отстаивался и проводился в жизнь всеми возможными средствами, был всегда основополагающей доминантой всех российских правителей. И этому есть объяснение. Выражая негативное отношение к проявлениям сепаратизма уже в условиях революционной России и указывая на причастность к этому явлению враждебных внешних сил, Александр Блок писал, что «если распылится Россия», то придет конец великой державы, она станет служанкой сильных государственных образований¹⁶¹⁶. Поистине провидческое суждение.

Конец XX в. ознаменовался приходом к власти в России новых политических сил, сделавших ставку на осуществление демократических реформ и ликвидацию тоталитарного прошлого. Стратегической целью начавшегося всеобъемлющего процесса модернизации было провозглашено построение гражданского общества и правового государства, рыночной экономики, обеспечение приоритетности прав и свобод человека. Однако «победоносного шествия» демократии пока не состоялось. Его и не следовало бы ожидать, исходя из общеисторических закономерностей реформационных процессов, а также некоторых «индивидуальных» особенностей российской действитель-

¹⁶ Блок, А. Соч. – М., 1971. – Т. 6. – С. 201.

ности. Мировая практика становления и развития демократии свидетельствует, что этот процесс никогда и нигде не был скоротечным, прямолинейным и бесконфликтным. Внедрение демократических ценностей в общественное сознание и политическую практику невозможно осуществить «кавалерийским наскоком».

Демократия не стала нормой и образом жизни общества и граждан, демократические ценности остаются нереализованными. На смену тоталитарному антигуманизму пришел рыночный антигуманизм, вместо диктатуры партийных вождей наступило засилие криминального бизнеса и коррумпированной бюрократии, разгул беззакония и состояние безвластия. А ведь еще Т. Гоббс высказывал мнение, что «лучше жить в стране, где ничто не дозволено законом, чем в такой, где все дозволено им»¹⁷¹⁷.

Несмотря на хаотичность и нестабильность социально-политической обстановки, раскол общества и всеобщее недовольство, Россия не сорвалась в омут гражданской войны, мирное эволюционное развитие не обернулось немирным революционным катаклизмом. В целом модернизационный процесс, несмотря на все его противоречия и издержки, носит ненасильственный характер. Трудно сказать, чья в этом заслуга больше – власти или народа. Во всяком случае, на «шоковую терапию» народ не ответил «шоковой хирургией», благодаря чему удалось избежать «большой крови».

Однако перевести стрелку российской истории на новый путь цивилизационного развития исключительно мирными средствами, избежав всякого насилия вообще, оказалось все же невозможным. На российском примере еще раз подтвердилась истинность мысли П. Сартра о том, что насилие в любом случае необходимо, чтобы перейти от одного общества к другому. Уже начало перестроечного процесса ознаменовалось рядом конфликтов, сопровождавшихся насильственными действиями и вооруженными столкновениями в Прибалтике, Грузии, Армении, Азербайджане, Молдавии. Некоторые из них получили продолжение в последующие годы, после развала СССР, с участием уже России, вынужденной по тем или иным причинам направлять в эти «горячие точки» СНГ свои военные контингенты.

Но и в самой России за прошедшие с начала реформ годы насчитывается достаточно большое количество проявлений насилия в разной форме и по разным поводам. Военную силу пришлось при-

¹⁷ Гоббс, Т. О свободе и необходимости // Избр. произв. – Т. 1. – М., 1964. – С. 519.

менить в 1991 г. для подавления пресловутого заговора организаторов ГКЧП, имевшего целью смену руководства страны и коррекцию перестроечной политики М. С. Горбачева. И хотя здесь обошлось «малой кровью», столица России в эти дни напоминала военный город. Вооруженная борьба между исполнительной и законодательной властью, когда на стороне первой действовала регулярная армия, а вторых поддерживали добровольцы, представлявшие оппозиционные силы, развернулась в 1993 г. Эти трагические события, окончившиеся расстрелом российского парламента и повлекшие многочисленные жертвы, не получили еще однозначной оценки, не прекращаются дискуссии по поводу их истинных виновников и правомерности действий властей, имевшейся возможности избежать кровопролития.

Не обошлось и без российской локальной войны, начавшейся в Чечне в 1996 г. и продолжающейся до настоящего времени. Под прикрытием ваххабитского лозунга борьбы за «чистоту ислама» чеченские боевики при активной поддержке из-за рубежа преследуют далеко идущие цели отрыва от России обширных южных территорий и создания на них исламского государства фундаменталистского типа. После уничтожения основных сил незаконных вооруженных формирований война перешла в стадию партизанской борьбы с их стороны, влечет большие потери, в том числе и среди мирного населения.

Немало проявлений насильственных действий в различной форме имело место в последние годы «снизу», со стороны гражданского населения, что служит выражением недовольства политической центральной или местной власти. В разных регионах России периодически вспыхивали бунты и забастовки из-за несвоевременной выплаты зарплат, массовой безработицы, отключения электроэнергии, произвола администрации предприятий и государственных чиновников. Толпами протестующих людей перекрывались автомобильные и железнодорожные магистрали, пикетировались учреждения органов власти, задерживались в качестве заложников их сотрудники. Нередко эти протестные движения масс сопровождалось применением физической силы с обеих сторон.

Но если проявления открытого насилия в этот переходный период носили сравнительно ограниченный характер, то этого нельзя, наверное, сказать о проявлениях скрытого насилия, которое менее бросается в глаза и носит более завуалированный характер. Такое

латентное насилие, включающее действия, причиняющие вред и ущерб не только физическим, но и косвенным экономическим, идеологическим и психологическим принуждением, манипулированием сознанием и поведением людей, представляет такую же опасность, как и прямое физическое. К проявлению косвенного насилия можно, очевидно, по праву отнести проведенную в России в 90-е гг. масштабную приватизацию, нанесшую огромный материальный и моральный ущерб обществу в целом и отдельным гражданам в частности. Совершенное перераспределение собственности, вылившееся, по сути, в незаконное присвоение кучкой нечестных дельцов и коррумпированных чиновников общенародного достояния, введение неконтролируемых свободных цен, крах денежных сбережений населения, последующая гигантская инфляция обрекли массу людей на нищенское существование. По данным даже официальной статистики, четверть населения страны живет на доход ниже прожиточного минимума. В этих условиях встала проблема расхождения между «равенством возможностей» и «равенством результатов», то есть различие между формальными конституционными правами и свободами граждан и их практической реализацией, которая поставлена в зависимость от социально-экономического положения индивидов. В обществе, осуществляющем демократические реформы, человек оказался на практике не в меньшей степени отчужденным, чем он был в коммунистическом тоталитарном.

Наблюдавшийся в последние годы в России резкий скачок смертности, достигающий ежегодно одного миллиона человек, несомненно, является во многом результатом неполноценного питания и медицинского обслуживания основной массы населения. Усилились психические стрессы на почве охвативших общество чувств унижения, безысходности, пессимизма. Показателен и факт небывалого увеличения самоубийств, по числу которых Россия вышла на одно из первых мест в мировой статистике. Беспрецедентный рост всех видов преступности, в первую очередь организованной, жертвами которой каждый год становятся десятки тысяч людей, также можно отнести к проявлению фактически социальной войны в обществе.

Образ мышления и поведение современного человека во многом зависят от оказываемого на него влияния средств массовой информации. Используя новейшие коммуникативные технологии,

они способны осуществлять моральное насилие путем манипулирования общественным сознанием в заданном направлении, служить целям дезинформации и духовного разложения масс, превращать людей в бездумную и послушную массу. Такое информационно-психологическое насилие над российскими гражданами совершается под видом свободы слова средствами массовой информации, насаждающими культ силы и вседозволенности, аморальности. Пособником им в этом служит и низкопробная масскультура, разжигающая низменные чувства и пропагандирующая порочные наклонности, растлевающая молодое поколение россиян. Ищущие нездоровых сенсаций, средства массовой информации ориентируют сознание людей на потребительские образы, насаждают гедонистические установки и принципы эгоистического индивидуализма, осуществляют тотальную манипуляцию аудиторией, подменяя реальное символически виртуальным.

Возможен ли всеобщий отказ от ведения войн и использования силы, может ли быть достигнут «вечный мир»? Это зависит от комплекса социокультурных факторов, от того, станут ли нормы миролюбия высшими законами отношений не только между людьми, но и между государствами. Культура мира должна превратиться в историческую потребность и стать главенствующей доминантой человечества XXI в.

Если не будет преодолена враждебная разобщенность человечества, несовместимость противостоящих цивилизаций, не будет положен конец стремлению силовым путем добиваться чьего-либо превосходства, над человечеством будет постоянно висеть дамоклов меч глобальной военной катастрофы. Социальной войне должен быть противопоставлен социальный мир. Следует полагать, что идея «вечного мира» – это утопия не абсолютная, а относительная. Хотя она не может быть реализована в настоящих условиях, это не означает, что она не осуществима вообще никогда. Ведь история есть процесс непрерывного изменения условий бытия и человеческой природы, превращения утопий в практическую реальность. И поскольку, как считал Тейяр де Шарден, «история жизни есть по существу развитие сознания»¹⁸, то не исключено, что в какой-то точке этого эволюционного процесса произойдет под воздействием определенных обстоятельств качественный ска-

¹⁸ Тейяр де Шарден, П. Феномен человека. – М., 1987. – С. 51.

чок в человеческом мышлении, знаменующий смену культуры насилия на культуру ненасилия.

В. И. Вернадский, учитывая нарастающую тенденцию глобализации с ее противоречивыми проявлениями, высказывал убеждение, что человечество способно выжить, только научившись мыслить космическими категориями. Для этого каждый житель планеты должен «мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государства или их союзов, но в планетарном аспекте»¹⁹. Философия мира должна стать формой обыденного миропонимания, превратиться в способ внутрикультурной ориентации человека, стать общепризнанной интеллектуальной матрицей новой исторической эпохи. Поскольку человек есть продукт конкретных общественных обстоятельств, для изменения его сознания и поведения следует изменить эти обстоятельства, сделать их человеческими.

Взаимопонимание и доверие – главные факторы глобализации мирового сообщества, построения ненасильственного мира, основанного на человеческой солидарности. Важное значение приобретает свободный диалог по ключевым проблемам современности. Посредством него выявляются и решаются не только текущие вопросы международных отношений, но и перспективы мирового развития, изыскиваются возможности избежать крайних форм конфронтации.

Поступательный процесс цивилизационного развития, его в целом прогрессивная направленность дают основания для оптимизма, и никакие истребительные войны и разрушительные катаклизмы, никакие революционные потрясения и геополитические зигзаги не в состоянии поколебать превосходства гуманистических идеалов, жизни над смертью, остановить неодолимое стремление людей обрести мирную и счастливую земную судьбу. И, может быть, в XXI в. осуществится мечта русского поэта Сергея Есенина о времени, «когда во всей планете пройдет вражда племен».

¹⁹ Вернадский, В. И. Размышления натуралиста. – М., 1977. – С. 25.